

ОЛЕСЯ МИЦУК

В ПУТИ

РАССКАЗ

“Граждане провожающие, просьба покинуть вагоны, поезд номер двадцать шесть Москва — Новосибирск отправляется!”. Проводница пробежала по вагону, проверяя, не задержался ли кто; поспешила в тамбур, откинула руку с флажком. Поезд тихо тронулся, уплывая от провожающих.

“Поехали”, — негромко сказал пожилой пассажир с совершенно седой головой, большим мясистым носом, выдвинутым немного вперед квадратным подбородком, сухими узкими губами и неожиданно насмешливыми карими с золотыми искорками глазами, окружёнными многочисленными морщинками.

Он сидел у окна, откинувшись к стене, будто очень устал; и все его подтянутое, даже сухопарое тело, казалось, тихо радовалось долгожданному отдыху.

— Да, поехали, — повторил вслед ему молодой, с ярким румянцем на щеках паренёк лет шестнадцати-семнадцати с густыми, пшеничного цвета, зачёсанными гладко назад волосами. На чистом лице его заметно было некоторое волнение и озабоченность. За окном уже давно мелькали подмосковные леса, серые деревеньки, посёлки с домами из красного и розового кирпича, стройки, поля и перелески.

Вошла проводница, проверила билеты, и выяснилось, что оба пассажира едут до Казани. Ее появление несколько оживило атмосферу в купе и прервало затянувшееся молчание. Пожилой пассажир улыбнулся, отчего его лицо приобрело дружеское, почти ласковое выражение, и представился:

МИЦУК Олеся Николаевна — студентка Литературного института им. Горького, член Московской городской организации Союза писателей России, автор книги “Надежда”. Живёт в Москве.

— Геннадий Павлович.

— Иван, Иван Хлебников, — смущенно произнёс паренёк, ещё более заливаясь румянцем до самых ушей.

— Значит, в Казань едем, а к кому, если не секрет?

— К родителям моим, а особенно к маме, она в больнице, к операции её готовят, — простодушно ответил Иван.

— Это правильно, родителей порадуете, а мама повидается с вами, и операция намного легче пройдет.

И, предвидя вопрос, Геннадий Павлович тихо сказал:

— А я вот с похорон брата старшего еду, и никого у меня родных больше нет теперь.

— Соболезную вам. Теперь надо молиться о нём все сорок дней, да и потом не забывать. Ведь брат ваш крещёный, православный?

Ивана перестал заливать смущённый румянец, и голос его стал крепче и увереннее. Геннадий Павлович быстро глянул на него, что-то промелькнуло в его лице, он перестал улыбаться.

— Нет, и не крестился даже. А я окрестился только десять лет назад.

— Всё равно молиться надо о его душе и надеяться, что примет Господь молитвы, — с неожиданным жаром быстро сказал Иван.

— Спасибо за добрые слова, я и сам так думаю. Извините за любопытство, а вы чем занимаетесь?

— В духовной семинарии учусь при монастыре. Разрешите вам чаю принести?

— Давай, Иван, а я пока к чаю приготовлю, мне тут навертели с собой пирогов всяких.

За чаем и разговоры оживились. Иван тоже достал пакет с булочками, сахаром колотым — “из нашей трапезной”, квашеную капусту с клюквой, варёную говядину.

Геннадий Павлович был очень рад такому попутчику. Ему хотелось неспешного разговора о том, что там за земной юдолюю всех их ждет, что ждет душу его брата Саньки, и почему так происходит, когда живёшь-живёшь, ни о чем душевспасительном не думая совсем, а потом вдруг — раз — и всё меняется, и думаешь уже о вещах раньше и немислимых; о том, как бы помочь ближнему, как исправить свои прошлые нехорошие поступки, от которых, если вспоминаешь, делается так муторно, будто выпил чего-то рвотного. Когда Геннадию Павловичу — всегда неожиданно — вспоминалось такое, ему хотелось, как бывало в детстве, спрятаться от всех, сделаться меньше, чтобы никто его не мог увидеть. Казалось, что не увидит его никто, значит и совершённое нехорошее им тоже сделается совсем малым, а может, и исчезнет из его жизни. Но вспоминалось, вспоминалось, и не хотело никуда исчезать; как он, заведомо зная, что взвод весь погибнет, отдавал приказ удерживать никому ненужную высотку, правда, лаялся с начальством, но ведь спасовал, побоялся, что под трибунал отдадут... Тогда, в Афгане, в восемьдесят втором году, он лично написал родителям каждого солдата прочувствованные слова о воинском долге, о славе, о гордости Родины за своих сыновей, но при этом так гадко внутри было, и ночами он не спал, и в груди болело и не давало покоя. Он тогда думал, что это надсаженное сердце болело, но теперь он точно знает, что болела душа... И этот мальчик, Иван, как же он похож на рядового Кашина, разорванного гранатой на той проклятой высотке; и опять, опять заболело внутри невыносимо.

Иван очень волновался, так, будто сдавал важный экзамен. Видя, в какой печали пребывает его собеседник, старался утешить его, угощая нехитрой, но очень заманчиво пахнущей едой.

— Мы в трапезной по очереди работаем, вы вкушайте, буду очень вам признателен. Клюкву нам из Новгорода братья привозят, и грибки, и всякую птицу домашнюю.

— Спасибо большое. Вроде есть не тянуло, а тут аппетит разыгрался!

Геннадий Павлович, и правда, то капустой с удовольствием похрустит, то нежной, сочной, пахнущей какими-то неведомыми ему травками, говядин-

ной полакомится, а ему Иван уж поближе придвигает коробочку с кашей: “Отведайте, очень вкусная, братья на завтрак варили”.

И так Геннадии Павловичу хорошо сделалось, то ли от угощения, то ли от ласковых тихих слов, что когда Иван вышел за кипятком, чтобы заварить монастырского, на травах, “очень полезного” чая, непроизвольно покатались слёзы из его глаз.

“Совсем сдурел ты, подполковник”, — одёрнул мысленно он себя, но не помогло, слёзы так и продолжали литься. “Наверное, из-за Саньки это, совсем нервы распоясались, приеду, закаливанием и бегом изгоню эту заразу; брата не вернёшь, а жизнь продолжается”. И опять — неожиданно — вспомнил, как привёз на похороны сорок тысяч, а отдал Татьяне, вдове, только двадцать; пожалел денег, увидев, что живут они очень даже неплохо, не квартира, а хоромы в новой многоэтажной громаде, с охраной, и машина у них есть, и дача в Немчиновке. Брат был всю жизнь шустрый, работал до самой своей кончины от инфаркта не где-нибудь — в Госрезерве, деньги хорошие получал, дочку в Плехановскую академию пристроил; и она, Полинка, которая не так уж и давно прудила ему прямо на военную форму, сейчас уверенно рулит по московским улицам, ругаясь презрительно сквозь зубы — “уроды!” — на мешающие ей проехать машины.

“Это я урод, — подумал подполковник запаса Дёмин. — Похороны им в такую копеечку встали, и Татьяна не работает, Полинка ещё на последнем курсе учится, где им денег набраться? А мне их что, солить что ли? И работаю, и пенсию получаю, один как перст”. С женой развелись давно, детей нет, есть только кошка Кася, подобранный в воинской части — тогда пяти-месячный котёнок, худая, страшная. Три года уже ей, стала сытой, кругленькой и самозабвенно любящей хозяина. Уезжая, попросил соседку, татарку Розу, кормить Касю. “Избалует...” — усмехнулся Геннадий Павлович, зная, как Роза ответственно относится к порученному ей любому делу.

Вернулся Иван.

— Вижу, полегче вам стало, это хорошо, — проговорил он.

— Спасибо тебе, сынок, можно так тебя назову?

— Конечно, — и совершенно детская улыбка расплылась по лицу.

— Извини, что спрашиваю, а твоя матушка в какой больнице лежит, что с ней?

— В первой городской, а операцию по женской части ей будут делать.

— Знаешь, а у меня в военном госпитале мой хороший друг, зам. главного, может, чем помочь нужно?

— Ох, благодарствую вам, только мама сама врач, и лежит в своей больнице, её там все любят, стараются, чтобы выздоровела она. А у нас в семинарии и помощь ей собрали, кто сколько смог, операция-то бесплатная, а лекарства очень дорогие.

Иван помолчал немного и, будто собравшись с силами, произнёс:

— Я бы мог помолиться за вашего брата, только имя его скажите.

— Александр, Александр Павлович Дёмин.

— Господу только имя нужно... Может, вам отдохнуть хочется, приедем ведь ночью.

— Да, хорошо бы; в Москве держался, а тут как-то чувствую — устал. Спасибо тебе, сынок.

— Так вы пока чаю выпейте, а я постелю, ладно?

Геннадий Павлович согласно кивнул, взял в руки стакан с душистым чаем и, прихлебывая его, засмотрелся в окно. Уже начинало темнеть; деревья лесополосы, тянущейся вдоль путей, качались от ветра и дождя. Пожелтевшие листья кружились в воздухе и падали на землю, сбиваемые холодными серыми струйками.

Иван быстро и ловко застелил постель, прибрал на столике, поправил маленькую скатерку на нём.

Ощущая во всем теле усталость, Геннадий Павлович осторожно вытянулся на полке; левая нога уже начинала ныть, но к боли он давно привык, болела она с тех пор, как в неё попал осколок в том, восемьдесят втором году.

Иван достал молитвенник, включил возле себя светильник и стал читать, шевеля губами. В полупустом вагоне было тихо. Прошло уж более часа, и уже совсем стемнело за окном. Прочитав положенное ему, Иван сложил молитвенник, поглядел на спящего Геннадия Павловича, потянулся к верхней полке за одеялом и накрыл ему ноги. Выключил свет, сел, облокотившись на столик, и стал думать.

“Всегда с радостью ехал домой, а вот сейчас боюсь увидеть и маму, и отца, и сестрёнок, Катюшку и Светланку. Отец по телефону говорил, что мама легко болеет, а тогда зачем операция? Отец на это не отвечает, а мама все только повторяла: “Приезжай, Ванюша, обязательно приезжай”. Значит, что-то серьёзное, мама никогда бы так не говорила, ведь учебный год только начался. Так боюсь узнать, что там с ней на самом деле.

Какой я малодушный, здоровый и глупый! Вот приеду, и всё решим, и денег мне собрали, правда, немного. Но на всё Божья воля, и не оставит он нас!

Мама, мамочка моя, я всё для тебя сделаю, только ты не болей, пожалуйста. Катюшка со Светланкой ещё маленькие совсем, как же они без тебя? Отец, конечно, и в школу их собирает, и уроки помогает делать. Приеду, во всём разберусь, по очереди с отцом у мамы в больнице будем, сестер возьму на себя. Может, Господь дал нам такое испытание, чтобы мы все окрепли в нём? Да, так оно и есть. Скоро уже приедем, осталось всего около двух часов”.

Иван незаметно для себя задремал, ему показалось — на несколько минут, не больше, а ночь прошла. Разбудил их грохот открываемой двери и голос проводницы: “Казань через двадцать минут”.

Геннадий Павлович по военной привычке быстро поднялся, поправил одежду на себе, причесался.

— Ну, вот и Казань! Пошли, Иван, тебя встречают?

— Нет.

— Значит, довезу тебя, у меня на стоянке здесь машина.

— Спасибо вам, Геннадий Павлович.

Подполковник деловито и уверенно открыл заднюю дверцу темно-синего “жигулёнка”, поставил дорожные сумки и кивнул Ивану — “садись”. В чистенькой машине было холодно, но уже через несколько минут салон согрелся. Доехали быстро. Завернули во двор.

— Вот сюда, пожалуйста, я дойду, тут недалеко.

— Еще чего, ночь на дворе, говори, какой подъезд?

— Вот этот, спасибо.

Геннадий Павлович достал Иванову сумку и сказал:

— Так хотелось поговорить с тобой, а всю дорогу проспал. Ты вот что, — и, стеснясь самого себя и того, что он сейчас скажет и сделает, с усилием произнес, — у меня деньги есть, лишние, а маме твоей на лечение очень даже пригодятся, возьми, не побрезгуй, очень обяжешь, сынок, а?

Ивану сделалось так неловко, как не было никогда в жизни. Он опустил голову и молчал. А Геннадий Павлович уже торопливо совал ему в руки те двадцать тысяч:

— Возьми, возьми, я ведь от чистого сердца, просто помогать мы друг другу должны, сынок.

И боясь, что не возьмет Иван денег, Геннадий Павлович вышел из машины, обошел её, открыл дверцу и, взяв сильно за руку Ивана, помог выйти.

— Видишь, свет горит на третьем, тебя ждут, наверное. Иди, сынок.

Иван медленно пошёл к подъезду, сжимая в руке деньги.

— Я адресок там написал свой и телефон, позвони, когда сможешь, скажи, как там мама твоя, ладно?

У самой двери Иван обернулся.

— Я даже не знаю, какими словами вас благодарить, и правда, они очень нужны нам. Вас Господь послал!

— Эх, это мне тебя Господь послал. Иди, сынок, ждут тебя.

Геннадий Павлович ехал по ночным улицам домой и, чтобы унять колотившееся сердце, заставил себя думать, как он сейчас придёт домой, его

встретит рыжая красавица Кася, он сварит ей креветок (ну надо же, как она их любит!), потом примет душ, ляжет спать, а утром отдаст Розе купленный в Москве павлово-посадский яркий платок, детишкам её — московских конфет, а Равилю, мужу Розы, серьёзному и немногословному, деталь для его старенького “Мерседеса”, случайно попавшуюся ему на авторынке, он так долго её искал.

“Завтра воскресенье, это хорошо, пойду в храм. Санька, Санька! А в понедельник сниму деньги с книжки и отправлю Татьяне.

И как это я мог сказать Ивану, что никого у меня нет теперь родных, а?..”.